

С. Я. Лурье

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ТРАГЕДИИ «ЕВМЕНИДЫ»

Уже авторы античных комментариев (схолий) к трагедиям указывали на наличие ряда политических намеков в «Евменидах»¹ Эсхила. Так, в схолии к стиху 556 античный комментатор замечает, что Эсхил позволяет себе анахронизм (*ἀναχρονίζει*), говоря не о том, что происходило в героические времена, а о том, что происходит теперь (*ἃ νῦν γίνεται*), в схолии к стиху 11 — что Эсхил изменяет мифологическую традицию «из угождения Афинам» (*χαρίζομενος Ἀθηναίαις*). Третьижды в примечаниях к стихам 286, 394, 848 он отмечает намеки на события, современные постановке трагедии.

Вслед за античными схолиями на существование таких намеков в «Евменидах» указывали ученые уже с начала XIX в. Так, уже А. Бёк в известной работе об Эсхиле, Софокле и Еврипиде, вышедшей в Гейдельберге в 1808 г., отметил ряд намеков на события внутренней политической жизни Афин, содержащихся в «Евменидах». Наиболее важной и сделавшей эпоху в этой области была вышедшая в 1833 г. статья К. О. Мюллера «*Politischer Gesichtspunkt*», приложенная к его изданию «Евменид» Эсхила (*Aeschylus' Eumeniden*, Gött., 1833, стр. 115—125). Здесь он замечал: «Среди всех сохранных нам античных трагедий нет ни одной, где бы мифическое и политическое были так органически сплавлены воедино, как в „Евменидах“» (стр. 115). Наконец, в 1865 г. В. Онкен в своей книге «*Athen und Hellas*», I, Lpz, стр. 221, писал: «„Евмениды“ — это пьеса, которая не только насыщена намеками на текущую политику в самом узком смысле слова, но обнаруживает в содержащихся в ней намеках... явно бросающуюся в глаза политическую тенденцию... Это не трагедия, а политическая программа, облеченная в наряд трагической музыки». К сожалению, Онкен не иллюстрировал этого совершенно правильного положения примерами².

После выступления Мюллера признание того, что «Евмениды» — агитационная политическая пьеса, вышло за пределы узкого круга классических филологов. Так, Ф. Энгельс в письме к Минне Каутской (Соч., т. 27, 1935, стр. 505) называет Эсхила «ярко выраженным тенденциозным поэтом».

¹ Все ссылки на стихи и схолии к «Евменидам» даны по изданию А. К i s c h h o f f, *Aeschyli Tragoediae*, Berl., Weidmann, 1880, стр. 231—280.

² А. V e r g a l l, комментарий к изданию «Евменид», Л., 1908, стр. 129, заявляет даже: «Эсхила, когда он писал эту пьесу, гораздо меньше интересовал Орест, чем политические события его собственного времени».

Впрочем, далеко не все исследователи решились стать на эту единственно правильную точку зрения. В 1888 г. вышло комментированное Веклейном издание «Орестии», где также отмечен ряд политических намеков, но так как Веклейн считал политическую пропаганду недостойной великого поэта, он принимал наиболее заостренные в политическом смысле места за позднейшие вставки (интерполяции), как мы увидим, без достаточного основания³.

Однако и те исследователи, которые правильно подходят к трагедии, ограничиваются обычно повторением того, на что обратил внимание уже схолиаст,— они останавливаются на прославлении союза с Аргосом и на отношении Эсхила к реформе Ареопага. Только у Ф. Ф. Зелинского^{3а} и Ливингстона^{3б} мы находим замечания, относящиеся к другим сторонам этого вопроса.

При более внимательном чтении трагедии выясняется, что число политических намеков как на внутренние, так и на внешние события в этой пьесе значительно больше. Таким образом, целесообразно подвергнуть рассмотрению весь этот вопрос в его совокупности. Начнем с намеков на внешнюю политику Афин, так как здесь задача наиболее проста и не вызывает серьезных сомнений.

* * *

Ясны содержащиеся в «Евменидах» намеки на союз с Аргосом. Хотя вся трилогия посвящена Агамемнону и его сыну, царствовавшим в Микенах, последние во всей трагедии ни разу не упоминаются. Причина этого ясна. В Аргосе во время постановки «Евменид» был демократический строй; Аргос был главным врагом Спарты в Пелопоннесе. Поэтому в 461 г., после демократического переворота в Афинах и изгнания Кимона, афиняне, вступив в конфликт со Спартой, заключили союз с Аргосом⁴. Опираясь на Афины, Аргос значительно упрочил свое положение в Пелопоннесе. Как известно по Гомеру, резиденцией Агамемнона были Микены. Однако из некоторых выражений в «Илиаде» и «Одиссее» можно было с небольшой натяжкой заключить, что Агамемнон царствовал в Аргосе (например, II, I, 30: «В нашем доме, в Аргосе», Od., III, 263: «Он в глубине питающего коней Аргоса соблазнял своими речами Агамемнонову супругу» и т. п.) и что, следовательно, Микены были только одной из его царских резиденций⁵. Если же Аргос был столицей Агамемнона, а Микены только одной из его резиденций, то это давало Аргосу «историческое право» видеть в независимых Микенах только бунтовщическое государство, отложившееся от своего законного господина, и пытаться присоединить его к себе. Аргос был постоянным врагом и соперником Спарты⁶. В 460 г. здесь был демократический строй, а в Микенах аристократический; понятно, что Микены, хотя бы в целях самосохранения, были в тесном союзе со Спартой. В битве при Эное в Арголиде аргосское войско встретилось со спартанским, причем союзники Аргоса, афиняне, прислали вооруженную помощь. В этой битве аргивяне одержали победу над спар-

³ G. Thompson, *The Oresteia of Aeschylus*, II, Camb., 1938, стр. 5, недооценивает политическую роль трагедии. Диссертация Dettweiler, *Quid Aeschylus de republica Atheniensium iudicaverit*, Giessen, 1878, мне недоступна.

^{3а} См. сноску 42.

^{3б} *The Problem of the Eumenides of Aeschylus*, JHS, XLV (1925), стр. 120 сл.

⁴ Thuc., I, 102, 4; Paus., IV, 24, 7; I, 29, 9.

⁵ В действительности слово «Аргос» означает у Гомера весь Пелопоннес или даже всю материковую Грецию.

⁶ Thuc., V, 14, 4; 28, 2.

танцами ⁷. Это дало им возможность бросить все свои силы на осаду Микен. Микены были взяты и разрушены. Таким образом, благодаря помощи Афин, Аргос стал единственным наследником царства Агамемнона.

Понятно поэтому, что Эсхил, желая угодить Аргосу, называет Агамемнона и Ореста в духе официальной аргосской версии царями Аргоса, а не Микен; см. ст. 286, 451, 644, где Микены мыслятся только как резиденция царей Аргоса. Последний стих: ἔπειτ' ἐν Ἄργεϊ δόματ' οἰκῆσει πατρός ἐν Ἄργεϊ.

Чтобы придать больше весу союзу между Афинами и Аргосом, Эсхил стремится показать, что этот союз только продолжение старинной исконной политики Афин. Связь между Афинами и Аргосом, внушает Эсхил зрителю, испокон веку состояла в том, что Аргос обращался за помощью к Афинам, а Афины ему помогали, что все благополучие Аргоса и все его героические подвиги были лишь результатом афинской помощи. Таковую роль по отношению к Аргосу играли афиняне якобы уже во время Троянской войны, когда Агамемнон одержал победу над Троей благодаря помощи афинских героев — Менесфея и сыновей Тезея (ст. 395—400, 453), то же самое произошло якобы и во время событий, описываемых в «Евменидах»: переживая тяжелые страдания, Орест обращается к Афине как к владычице Афинской земли и обещает ей, что он всегда будет благодарен афинянам (ст. 283 сл.):

«И вот благочестиво, чистым ртом зову
Афину, края этого владычицу,
О, пусть придет на помощь!»

После того, как Афина действительно пришла на помощь к Оресту, он в длинной речи выражает ей (т. е. афинянам) свою благодарность (ст. 744 сл.):

«Паллада, дом мой спасшая! Вернула ты
Меня, лишённого земли отеческой,
На землю предков. Ныне скажут эллины:
„Аргосец вновь среди достойных прадедов
Живет, а избавление дала ему
Паллада, с нею Локсий“...»

Как указывал уже В. Кольбе ⁸, эта благодарность имеет особый политический смысл: «Слова благодарности по адресу Афины, которые Эсхил влагает в уста Ореста, представляют собой, по-видимому, отзвук того ликования, которое вызвала победа при Эное»; ведь пьеса поставлена через год после битвы при Эное, в которой афиняне спасли аргосцев, и только так эта благодарность могла быть воспринята зрителями. Однако мы можем пойти еще дальше: при таком толковании двукратное указание на то, что именно благодаря Афине аргосец Орест получил назад дом и землю своих отцов, получает свой настоящий смысл. «Дом и отцовская земля» (ὁ δῶμος καὶ ἡ γαῖα πατρῶα), которых Орест был лишен (ἔστέρημένος) —

⁷ Я твердо убежден в правильности обычной датировки битвы при Эное, обоснованной уже Эд. Мейером, и отношу эту битву примерно к 460 г.; если Белох и Штир отождествляют Эною с Энофитой, то такое допущение представляется совершенно произвольным и противоречащим ясному свидетельству Павсания (X, 10, 4, ср. I, 15, 1), по которому Эноя находилась в Аргониде.

⁸ W. K o l b e, Diodors Wert für die Geschichte der Pentekontaetie, «Hermes», 72 (1937), стр. 263.

это, как мы видели из ст. 744, древние Микены, столица Агамемнона: теперь, после битвы при Эное, Аргос снова получил их с помощью Афин, и именно такая ассоциация должна была появиться у зрителя.

Необходимо указать на то, что в «Евменидах» трижды подчеркивается вечность и нерушимость союза между Аргосом и Афинами: ст. 660⁹, 287¹⁰, 754¹¹.

Уже схолиаст обратил внимание на то, что Эсхил в этих местах имеет в виду союзный договор 460 года — schol. ad 286: ὡς τότε συμμαχοῦντων Ἀργείων Ἀθηναίοις. Запрещение идти когда бы то ни было походом («вносить оружие») на землю договаривающейся стороны, несомненно, просто парафраза соответствующего пункта договора — такой пункт был в договорах того времени очень обычным и, в частности, мы встречаем его в более позднем договоре¹² Афин с Аргосом 418 г. (εἰς ἅπαντα χρόνον ὀρκωμοτήσας... μήτοι... ἐποίησεν ὄρον у Эсхила точно соответствует выражению договора: σπονδῆς ἐποίησαντο ἑκατὸν... ἔτε... ἠόπλα... μὲ ἐχσεῖναι ἐπιφέρειν Ἀργείος... ἐπὶ Ἀθηναίος...).

Но интереснее всего для политической тенденции пьесы следующее: аргосец Орест хочет призвать к себе на помощь Афины. Однако он не знает, где в это время Афина находится. Следуя старинному обычаю¹³, он перечисляет все места, которые принадлежат этой богине, т.е. в которых ее чтут.

Этот традиционный торжественный обычай Эсхилу удастся использовать в политических целях: вместо того чтобы перечислить общеизвестные святилища Афины, например в Фессалии, в Коронее (Беотия), в Тегее, в Спарте, на Крите, на Родосе и т. д., он называет лишь те места, на которые претендовали афинские патриоты, желая, таким образом, исторически обосновать эти притязания. Начнем со стихов 288 слл.:

«Где б ни была: в песках ли жаркой Ливии,
Над Тритонидой, над рекой родительской
Ногой державной величаво шествует,
Друзьям неся защиту (φίλοις ἀρήγους'),
...Пусть придет!»

В этих словах заключено весьма искусственное обоснование «исторических прав» Афин на Египет во время египетской экспедиции. У афины было прозвище Τριτογένεια. В одной из версий это объяснялось тем, что она родилась у Тритонского озера в Египте или даже была рождена Тритонским озером¹⁴. Жившие в Египте у Тритонского озера Аусси чтили какое-то женское божество; естественно, что оно было отождествлено

⁹ Богиня, твой союзник он, и род его (καὶ τοὺς ἔπειτα).
И навсегда (αἰανῶς) пребудет нерушимо так.
И будет внукам свят союз и правнукам (τοὺς ἐπισπύρους).

¹⁰ Без оружия
В союзники себе добудет вечные (ἐς τὸ πᾶν)
Меня и город и народ Аргосский весь.
«Без оружия (ἀνευ ὀρός)» означает: не в результате завоевания, а по договору.

¹¹ А я народу твоему, стране твоей
Святой обет даю на веки вечные (εἰς ἅπαντα... χρόνον)
И так клянусь (ὀρκωμοτήσας), в родимый возвращаясь дом:
Пусть никогда отныне вождь земли моей
С копьем враждебным в эту не войдет страну (ἐποίησιν... ὄρον).

¹² IG, I², 86 = Thuc., V, 47.

¹³ См. «Гимн Аполлону Пифийскому», ст. 1—3; Софокл, Антигона, ст. 1118 слл.;

Арпистофан, Облака, ст. 269, ср. Il., XVI, 514—516; κλύθι, ἀναξ, ὅς που Λυκίης ἐν πιονι
δγμφ ἔσσ' ἢ ἐνὶ Τροίῃ; Simonid., fr. 26 у Bergk, Bacchylid., XV, 5—6.

¹⁴ Схолия к этому месту; Herod., IV, 180; Paus., I, 14, 6.

с Афиной. Поэтому, по мнению поэта, следовало ожидать, что Афина поможет своим друзьям, которые сражаются в этой принадлежащей ей области (φίλοις ἀργήσοις). По-видимому, справедливо замечает Веклейн^{14а}: «Поэт имеет в виду афинян, которые пришли на помощь Инару, царю ливийцев (ἐν τόποις Λιβυστικοῖς)... Поэт вспоминает здесь с чувством глубокого участия о сражающихся в далеких краях его согражданах».

Второе место, откуда Афина может прийти и которое, следовательно, ей принадлежит, есть равнина Флегры (Φλεγραία πλάξ, ст. 291):

«Не в Флегрейских ли
Полях надзор блюдет и ставит войска строй —
Пускай придет!»¹⁵

Во время процесса Ореста борьба с гигантами, по мифологической хронологии, была уже делом далекого прошлого; непонятно, для чего Флегрейская равнина нуждалась в полководце (ταγούχος) и в «наблюдателе» (ἐπίσκοπος). Если Афина, несмотря на то, что гиганты давно покорены, «надзирает за Флегрейской равниной как муж-полководец» (ταγούχος ὡς ἀνὴρ ἐπίσκοπεῖ), то это означает, что Флегрейская равнина и после боя с гигантами принадлежит ей и нуждается в защите от врага и в наблюдении.

Чтобы понять, какую местность имел в виду Эсхил, говоря о Флегрейской равнине, необходимо установить, где локализовали древние знаменитую битву между богами и гигантами. В более позднее время местом этой битвы считалась равнина близ Кум в Кампании (сampī Phlegraei); но до начала новой эры такой локализации мы нигде не встречаем. В классическую эпоху под Флегрой разумелась Паллена, западный узкий выступ Халкидики с городами Потидея, Афитием, Неаполем, Эгами, Феррамбом, Скионой, Мендой и Саной¹⁶.

Когда именно эти города Халкидики вошли в первый Афинский морской союз, нам не известно. Все перечисленные выше города, кроме Потидеи, упомянуты уже в древнейших списках фороса, т. е. с 454—453 г.¹⁷ Потидея впервые появляется в этих списках в 444 г. Правда, списки фороса за 454—444 гг. повреждены и не дошли до нас полностью, тем не менее вряд ли отсутствие Потидеи в целом ряде последовательных списков является простой случайностью. Те города, имена которых начертаны на треножнике, поставленном в Дельфах (Syll.³, 31) в 473 г., и которые были членами Панэллинского союза, стали впоследствии независимыми членами Афинского морского союза и фороса не платили. Так как на треножнике начертано и имя Потидеи, то Вест¹⁸ сделал правдоподобное предположение, что Потидея впервые была обложена форосом только в 444 г., а до этого времени была независимым членом союза. Однако существует и другая возможность: большая часть городов, перечисленных на треножнике, как известно, вообще никогда не входила в Делосский союз (лакедемоняне, коринфяне, амвракийцы и др.); Потидея была коринфской колонией и получала из Коринфа высшее должностное лицо — эпидемиурга. Поэтому было бы вполне естественно, если бы она, подобно Коринфу, вовсе не входила в Делосский морской союз до тех пор, пока приблизительно в 450—445 гг. ее не принудили пла-

^{14а} Äschylos Orestie mit erklärenden Anmerkungen von N. Wecklein, III Teil, Die Eumeniden, Lpz, Teubner, 1888, прим. к ст. 295.

¹⁵ ... εἴτε Φλεγραϊαν πλάνα θρασὺς ταγούχος ὡς ἀνὴρ ἐπίσκοπεῖ, ἔλθοι...

¹⁶ Herod., VII, 123.

¹⁷ См. SEG, V, Lugd., 1931, 1 сл.; B. D. Meritt, Documents on Athenian Tribute, Cambridge, Mass., 1937, стр. 76 сл.

¹⁸ A. B. West, AHR, 35 (1930), стр. 273—274.

тить ф́орос. Весьма вероятно, что и другие города Паллены стали платить ф́орос только приблизительно в 458—455 гг. Очень возможно, что агрессивная политика македонского царя Александра I и фракийцев¹⁹ заставила жителей Паллены самих обратиться к Афинам, в результате чего к ним был прислан не только нужный им *ταγούχος*, но и *ἐπίσκοπος* (такие *ἐπίσκοποι* присылались в то время во все общины, платящие ф́орос). По-видимому, именно такой смысл имеет мало вразумительное примечание схоластика к ст. 292: *ἀρμόττουσα δὲ ἡ εὐχή: δεῖται γὰρ ἐδρανοῦ βοήθου* «Уместная молитва: ибо (Паллена) нуждается в энергичном помощнике».

С другой стороны, можно показать, что подчеркивание решающей роли богини Афины в битве на Флегрском поле имеет вполне определенный политический смысл. Та битва с гигантами, в которой руководящую роль играла Афина, первоначально не была локализована географически. В то же время на коринфском Исфае существовало другое местное предание о могучем гиганте Алкипоне, которого победил Геракл, разбивший ему голову брошенным в него огромным камнем (*schol. ad Pind., Nem., IV, 28: καὶ φασὶ κείσθαι τὸν λίθον ἐν τῷ Ἴσθμῳ*). Коринфские колонисты, основавшие на Халкидике Потидею и, вероятно, еще некоторые поселения, принесли с собой сюда это сказание; теперь оно было локализовано на Халкидике²⁰.

Во всех древнейших редакциях этого палленского сказания фигурирует либо только Геракл, либо Геракл и боги, причем боги играют в этом случае лишь второстепенную роль²¹. Дорийский Геракл стал покорителем Паллены для обоснования «исторических прав» дорийцев на Паллену, «участие Геракла в Гигантомахии стало популярным потому, что на Паллене находилась коринфская колония Потидея»²². Если же в легенде, приуроченной к Паллене, Геракл оказывается замененным Афиной, то здесь можно видеть афинскую тенденцию, тем более что почти все города Халкидики были не дорийскими, а понийскими и что время постановки «Евменид» было как раз временем усиления влияния Афинского союза на севере и распространения его в этом направлении.

В дальнейшем ходе действия все предположения Ореста о местопребывании Афины оказываются неверными. Из ст. 393 сл. выясняется, что в действительности Афина в это время находилась на Троянском побережье Малой Азии, где — в Сигее — находился один из ее храмов:

«Призыв ваш издалека услышала я,
С лугов Скамандра в эту область славную
Спешила я, чтоб землю первой захватить (*γῆν καταφθαγουμένην*)²³:
Начальники и главари ахейские
Из боевой добычи долю славную
С плодом и корнем (*ἀντίπρεμνον*) отдали на веки (*ἐς τὸ πᾶν*) мне.
Сынам Фесея — избранный, почетный дар».

Афина оказывается в Троянской области не случайно: на этот раз ни у античных толкователей, ни у нас не возникает сомнения в том, что

¹⁹ Ср. Herod., V, 17; Thuc., II, 99.

²⁰ См. I. Ilberg, статья «Giganten» у Roscher, «Lexikon der griechischen und römischen Mythologie», I, 2, стб. 1648.

²¹ См. Strab., VII, p. 330 C, fr. 27; Pind., Isthm., VI, 33; Theon., Progymn., p. 107 Manandian.: οἱ δὲ περὶ τὴν πάλαι Φλέγραν, οὖν δὲ Παλλίνην... ἤσαν... οἱ... Γίγαντες, ὅς Ἡρακλῆς λέγεται χειρώσασθαι. Здесь и Nem., 1,67, Euripid., Her. fur., 1192 сл., упомянуты вместе с Гераклом и боги (οἱ θεοί), но без выделения кого-нибудь из них в отдельности.

²² Wilamowitz, Euripides, Heracles, II, B., 1895, стр. 245.

²³ Так перевел это слово уже К. О. Мюллер (ук. соч., стр. 125). См. Hesychius. s. v. φθάτω φθάνω.

здесь дело в политических претензиях афинян на Троянскую область. Так понимал это место уже схолиаст: «Эсхил, по-видимому, подбивает афинян снова требовать себе Сигей, ссылаясь на то, что богиня приходит из этих мест»²⁴. Нынешние ученые также видят в этих стихах политический намек, например, Веклейн в его комментарии к этому месту (стр. 281): «Эта ссылка на исконное право владения афинян вполне аналогична обоснованию претензий на Саламин ссылкой на Гомера». Тем не менее Веклейн не хочет согласиться со схолиастом в том, что Эсхил побуждает афинян снова требовать Сигей, так как афиняне, по его мнению, завладели Сигеем уже задолго до 458 г. Однако это широко распространенное утверждение произвольно и неверно.

Как было показано в моей статье²⁵, область древней Трои уже с конца VII или с VI в. являлась предметом спора между Афинами и Митиленой, причем обе стороны обосновывали свои права на эту территорию ссылками на Гомера²⁶ — митиленцы ссылались на эпическую поэму *Ἰλιάς Μικρά*, написанную в окончательном виде на Лесбосе, а афиняне — на другую эпическую поэму, на *Ἰλίου Πέρσις*. Приведенное здесь нами место из Эсхила также восходит к *Ἰλίου Πέρσις*. На это обратил внимание уже К. О. Мюллер²⁷. Под Троянской землей (γῆ) здесь подразумевается так называемая Трояда, включая Антандр и Сигей. Мы знаем²⁸, что после 464 г., когда Фемистокл явился в Персию к царю Артаксерксу, Лампсак, Перкота и Скепсий, лежащие недалеко от Сигея, принадлежали еще персам, поэтому можно полагать, что и Сигей принадлежал в это время им. В 450 г. Сигей входит в Афинский морской союз. Поэтому, вопреки только что приведенному мнению Веклейна, 458 год — самое подходящее время для возобновления спора об исторических правах Трояды ожидаемого перехода Сигея от персов к грекам. После того как Трояда освободилась от власти персов, и афиняне и митиленцы, очевидно, выступили с претензиями на Трояду. Уже за 140 лет до этого времени, около 600 г., борьба между афинянами и митиленянами, о которой мы говорили выше, прекратилась: афиняне получили Сигей, Митилена — остальную часть Трояды, но, очевидно, ни та, ни другая сторона не отказались от старых претензий. В отрывке из Дионисия Халкидского, приводимом Тепффером²⁹, выдвигаются «исторические права» афинян на те города, которые перешли к ним после 458 г. Здесь³⁰ право Афин на Троянскую территорию обосновывается тем, что сын Тезея Акамант вступил в брак с дочерью Приама Лаодикой: «Дионисий Халкидский утверждал, что Акамант... в силу свойства с Лаодикой... основал в Трояде Гергийф, Перкоту, Колоны, Хри-

²⁴ εἰσικεν οὐδὲν παρορμητῶν Ἀθηναίους ὁ Αἰσχύλος εἰς τὸ ἀντέχεσθαι πάλιν Σιγείου, λέγων τὴν θεὸν ἐκεῖθεν ἐληλυθένει.

²⁵ С. Я. Лурье, Новое свидетельство о борьбе за Сигей, ВДН, 1938, № 3(4), стр. 88 слл. К сожалению, я не имел возможности в этой статье в ВДИ использовать работу I. Toerffer, Quaestiones Pisistrateae, Dorpat, 1886, стр. 69—71, дающего интересный материал, подтверждающий мои выводы.

²⁶ Herod., V, 94; Strab., XIII, 38, p. 599 С. Ссылки на Гомера для доказательства исторических прав на территорию были обычны в то время. Такой ссылкой доказывалось, например, право афинян на Саламин. Притязания Афин на гегемонию над греками после образования Афинского морского союза подтверждались ссылкой на Гомера (см. Plut., Simon, 7, с комментарием Беллоха, Griech. Gesch., II², стр. 183).

²⁷ Aeschylus Eumeniden, Gött., 1883, стр. 125.

²⁸ Thuc., I, 138, 6; Plut., Themist., 29; см. E. Honigsmann, RE, XVI, стб. 1438.

²⁹ Schol. in Euripid., Mélange Graux, P., 1884, стр. 652; см. Toerffer, ук. соч., стр. 75, прим. 1.

³⁰ Так же P. Arthen., 16, Lucorhg. Alex., 495 сл. со схолией. Оба эти места, как показал Тепффер, имеют источником *Ἰλίου Πέρσις*.

су, Офриний, Сигей, Астиру, Скепсий и Бесбик...». Поэтому вполне убедительно звучит замечание К. О. Мюллера, что в приведенных стихах «Евменид» слово *καταφθατοῦμένη* означает: «захватила, чтобы предупредить захват врагами» («fremden Eingriffen vorbeugend, im Besitz genommen habe»). Это слово означает, что и теперь пришлось пметь дело с притязаниями Митилены, которые необходимо было «предвосхитить». Афинские притязания, о которых мы узнаем из «Евменид», и в 458 г. не были полностью удовлетворены: афиняне получили только Сигей, а всю остальную Троаду — митиленцы; следует помнить, что в это время Митилена была еще независимым членом морского союза и могла претендовать на собственные владения на материке. Действительно, около 460 г. Самос, Хиос и Лесбос еще не были подданными Афин, а были независимыми их союзниками, имевшими собственные владения на Малоазийском побережье; покорение афинянами малоазийского побережья совершилось не сразу, а было медленным и постепенным процессом. Так, нам известно, что Эфес (Thuc., I, 138, 5) еще незадолго до 460 г. принадлежал персам, в это время персам принадлежало еще и много других городов на Малоазийском побережье. Относительно Сигея нам известно, что во время Персидских войн он принадлежал Персии (здесь правили Гишин и его сыновья под верховной властью Персии); персам принадлежал в эту эпоху не только Сигей, но и вся Троада (Антадр и Лампий — Herod., V, 26). Из надписи IG, I², 195, мы узнаем, что в 450 г. Сигей был уже членом Афинского морского союза. В свете новейших эпиграфических открытий картина становится еще более ясной. В томе V «Hesperia» (1936, стр. 360 и сл.) Меритт опубликовал вновь найденный фрагмент афинского декрета IG, I², 32. Это — постановление афинского народного собрания в честь сигейцев, датированное архонтом Антидотом, т. е. 451/0 годом, причем в уже ранее известной второй части надписи встречаем формулу:

«Пусть они не претерпят обиды со стороны кого-либо из тех, что на материке» (*καὶ μὲ ἀδικήσῃσι μὲδὲ ὑφ' ἑνὸς τῶν ἐν τοῖς ἐπιείροις*). Сопоставив эти слова с тем фактом, что Сигей появляется в списке плательщиков форося впервые в 450/49 г., Меритт³¹ делает вывод, что Сигей был присоединен к Афинскому союзу только в 451/0 г.³²

Остальной Троадой афиняне овладели только в 427 г.: до этого времени она принадлежала Митилене³³, будучи, очевидно, отнята у персов в промежутке между 479 и 450 гг.

Таким образом, у нас нет никакого основания не доверять схоласти, когда он утверждает, что приведенное место Эсхила имеет целью побудить афинян отстоять для себя Сигей, наоборот, оно вполне соответствует исторической обстановке.

Итак, в «Евменидах» отразилась в целом ряде подробностей внешняя политика Афин: союз с Аргосом, египетский поход, колониальная политика на Халкидике и в Малой Азии.

Эсхил явно сочувствует этой политике (в частности, союзу с враждебным Спарте Аргосом), поддерживая агрессивные претензии Афин в Египте и на Эгейском море.

³¹ Ср. The Athenian Tribute Lists, I, Cambridge Mass., 1939, стр. 402.

³² К этому выводу присоединился и W. Kolbe, «Hermes» 73 (1938), стр. 256, и Bengtson (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie, phil.-hist. Klasse, 1939, Heft 1, стр. 23 и прим. 1). Бенгстон указывает, что в свете этой публикации слова Эсхила (ст. 397 сл.) получают «eine sehr aktuelle Bedeutung». Иначе S a n c t i s, «Rivista di Filologia», 65 (1937), стр. 304 и прим. 1.

³³ Th u c., III, 50,3; ср. IV, 52; S t r a b., XIII, 39, стр. 600.

* * *

Вопрос об отражении в драме Эсхила внутренней политики Афин сопряжен с гораздо большими трудностями. Союз с демократическим Аргосом был одним из основных пунктов демократической программы; этот союз больше всего раздражал как аристократов в Пелопоннесе, так, несомненно, и лаконофильскую аристократию самих Афин. При рассмотрении внешней политики Афин мы убедились, что Эсхил безоговорочно одобрял этот союз, он поддерживал колониальные мероприятия Афин, направленные против аристократических государств — Коринфа и Митилены. Уже эти факты показывают, насколько неправы те, которые причисляют Эсхила к реакционному аристократическому лагерю³⁴.

Однако в вопросах внутренней политики Эсхилу часто было не по пути с группой Эфиальта—Перикла. К сожалению, я не имею возможности осветить здесь этот вопрос всесторонне; вопросу об отношении Эсхила к реформе Ареопага и заключительной сцене «Евменид»^{34а} придется посвящать особое исследование.

В «Афинской политике» (гл. 26, § 2) Аристотель сообщает о следующем важном политическом событии, имевшем место в 457/6 г., т. е. в году, следующем за постановкой «Евменид». В этом году «афиняне решили допускать к жеребьевке в кандидаты на должность девяти архонтов граждан из класса зевгитов, ... а до этого времени все архонты были из всадников и пентакосиомедимнов». Вспомним, что из отставных архонтов составлялся Ареопаг, — значит, в результате этой реформы в Ареопаг могли попасть и небогатые граждане. Несомненно, эта реформа оживленно обсуждалась в месяцы, предшествовавшие ее принятию; и действительно, в разобранном нами выше месте «Евменид», в ст. 680—685, Эсхил говорит:

«Будет с ним (с Ареопагом) благоволение
И страх, доколе сами граждане
Свои законы примесью негодного (*κακαῖς ἐπιρροαῖσι*)
Не будут подновлять. Легко родник
Прозрачный влагою зловонной замутить
Иль мутной грязью (*βόρβορον*) — но тогда уже пить нельзя».

Как в греческой, так и в римской поэзии весьма обычно сравнение государства с кораблем; при этом обычно простонародье сравнивается с *ἄντρος*, *sentina*, т. е. с той грязной водой, которая собирается на дне трюма и которую надо вычерпать (*ἄντρον*, *exaurire*). Такое символическое изображение государства в виде корабля мы находим у Алкея (fr. 325, 6, Lobel—Page), у Горация (Od., I, 14), у Феогнида (ст. 671 сл.), у Платона (Polit., VI, 488 A). Выражения, которые мы встречаем у Цицерона, — ad Att., I, 16, 11: *Sordem urbis et faeces*, и I, 19, 4: *sentinam urbis exauriri*, De lege agraria, 70: *urbanam plebem... exhauriendam esse, quasi de aliqua sentina... loqueretur* — представляют собою не что иное, как перевод соответственных греческих выражений (*sordes et faeces* = *βόρβορος*, *sentina* = *κακαὶ ἐπιρροαί*) ср. Herod., III, 81. Можно думать, что и здесь Эсхил протестует против предлагаемого демократами загрязнения Ареопага людьми из класса зевгитов.

Весьма интересен, хотя и очень труден, вопрос о политическом смысле основной коллизии этой трагедии. Орест убил свою мать и должен поэтому быть, по мнению Эриний, беспощадно наказан; по мнению Апол-

³⁴ Реконструкция Томсона (ук. соч., I, стр. 5) представляется неверной.

^{34а} Об этом см. также в ук. статье Ливингстона.

лона и Афины, Орест неповинен в пролитой родственной крови, так как между сыном и матерью не существует никакого родства (ст. 648):

«То, что зовется матерью, не создает
Дитя, лишь плод она растит посеянный.
Творит зачатый (ὁ φράσιον), а она залог хранит,
Как человек — чужому человеку клад.
Отца иметь возможно и без матери...»

По этой теории мать играет такую же роль, как пашня, на которой прорастает зерно, или как сосуд, в котором зародыш сохраняется; с этой точки зрения мать — вовсе не мать, а только кормилица, чужая для человеческого зародыша.

По мнению Эринний, наоборот, жена, убившая своего мужа, неповинна в пролитии родственной крови, так как она (ст. 595) «чужда по крови мужу ей убитому» (οὐκ ἦν ἑταῖρος φῶτος ἐν κατέκτανε). Бахофен и Ф. Энгельс³⁵ показали, что в этой борьбе двух взглядов сохранились еще следы противоречий между патриархальными и матриархальными представлениями. Несомненно, они правы в этом вопросе. Однако несмотря на то, что среди широких масс афинского народа еще сохранились пережитки матриархального строя, они давно уже не играли в афинском обществе такой роли, чтобы на них можно было строить драматическую коллизию; борьба матриархального уклада с патриархальным была здесь, таким образом, традиционным фольклорным мотивом³⁶.

Эсхил не стал бы с такой страстью и с таким живым чувством обсуждать вопрос, существует ли родство между матерью и сыном, если бы этот вопрос был только традиционной темой фольклора и не стоял в связи с каким-либо из злободневных вопросов афинской общественной жизни V в.

Ключ к пониманию этих мест Эсхила дает Еврипид. В трагедиях, поставленных им на сцене в 411—408 гг., он уделяет большое внимание тому же вопросу, которому посвящены «Евмениды». Здесь та же коллизия и то же ее разрешение, но здесь вопрос о существовании родства между матерью и сыном непосредственно увязан с вопросом о гражданских правах υἱοὶ рожденных от отца-гражданина и матери не-гражданки.

За время Архидамовой войны ряды афинских граждан значительно поредели; поэтому афиняне принуждены были отменить закон Перикла (451 г.), по которому гражданами стали считаться только те, кто имеет и отца и матью афинских граждан, и стали снова считать гражданами всех тех, у кого отец афинянин (Isocr., De pace, 88)³⁷. Этот либерализм встретил, однако, сильную оппозицию, и в конце концов в 403 г., в архонтство Евклида, был восстановлен закон Перикла; впрочем, закон этот (закон Никомена), в противоположность закону Перикла, обратного действия не имел, и те υἱοὶ, которые получили гражданство до 403 г., сохраняли его³⁸. Отражение дискуссий, связанных с этим законом,

³⁵ B a c h o f e n, Das Mutterrecht, Stuttg., 1861, стр. 44^{*} слл., 50 сл.; Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1954, стр. 9 сл.

³⁶ Так, сюжет новеллы о сыне Перяндра — H e r o d., III, 53 — имеет принципиально много общего с мифом, легшим в основу «Евменид». Любопытно, что здесь дочь Перяндра говорит: πολλοὶ δὲ ἴδῃ τὰ μητρῴα διζήμενοι, τὰ πατρῴα ἀπέβαλον. Очевидно, эта коллизия была общим местом в фольклоре. Противоположную патриархальную точку зрения об отсутствии родства между матерью и сыном мы также встречаем у первобытных народов; см. примеры и литературу, собранную у T h o m s o n, ук. соч., II, стр. 293—294.

³⁷ См. G. B u s o l t—H. S w o b o d a, Griechische Staatskunde, II, 1926, стр. 940 сл.

³⁸ A t h e n., XIII, 577 C; Schol. Aeschin. Timarch., 39, cp. I s a e., VIII, 43; D e m o s t h., LVII, 30.

мы находим в трагедиях Еврипида 411—408 гг. В «Андромахе» (ст. 636 сл.) мы читаем:

«Иногда
И для семян сухая нива лучше,
Чем жирная. Так и побочный сын (νόθος)
Закононого достойней зачастую».

Иными словами: поскольку мать — только хранительница человеческого зародыша, из которого вырастает дитя, и совершенно чужая для своего сына, для чистоты гражданского происхождения важно только происхождение отца, а не матери.

Впрочем, таково было лишь юридическое положение νόθοι. Предоставленное им гражданское равноправие было лишь временной мерой, вызванной обезлюдением Афин. Общественное мнение широких народных масс продолжало относиться к таким гражданам свысока, особенно если они претендовали на государственные должности и выступали в совете или народном собрании. Вот почему в трагедии «Ион», поставленной на сцене в 409/8 г., юноша Ион, считающий себя сыном афинского царя, но не знающий своей матери, мечтает, чтобы его мать оказалась афинской гражданкой, и с горечью замечает (ст. 670 сл.):

«Добавлю пожеланье,
Чтоб род ее афинский был — тогда
И с женской стороны наследьем будет
Мне право выступать в совете (μητροθεν παρρησία).
В народе чистом чужестранец, будь он
Хоть по закону гражданин (κἄν τοῖς νόμοισι ἄσπύς), в совете
Он говорить не смеет».

И в других словах той же трагедии можно найти отражение народного недовольства включенным в число граждан таких νόθοι (ст. 720):

«Будет прав народ (в жалобе своей) на чужой наплыв».

Наконец, в трагедии «Орест», поставленной на сцене в 408 г. и имеющей тот же мифологический сюжет, что и «Евмениды», мы читаем (ст. 552 сл.) в обращении Ореста к отцу Клитемнестры Тиндарею:

«Отец посеял, а взрастила дочь твоя,
Как наша, семя только взяв со стороны».

Несомненно, изданию этого закона предшествовала длительная и страстная политическая борьба, в которой, в сущности, принял участие и Еврипид, присоединившись в своем «Оресте» к утверждающим, что между матерью и сыном нет родства.

Поэтому мы вправе и для интересующего нас случая поставить вопрос: не подготовлялся ли во время постановки «Евменид» такой же закон, как в 403 г.? И действительно, у Аристотеля (Resp. Ath., 26,3) мы читаем: «При архонте Антидоте (451/450г.), вследствие слишком большого числа граждан, афиняне, по предложению Перикла, решили, чтобы лица, не имеющие обоих родителей — граждан, не имели гражданских прав»³⁹. Этому закону также должна была предшествовать длительная политическая борьба. Господствующая демократическая партия теперь, как и в более позднее время, стремилась по возможности ограничить круг граждан⁴⁰.

³⁹ Так же Plut., Pericl., 37,3.

⁴⁰ Так же, Miltner, Pericles, RE, стб. 760.

В самое древнее время, воспоминание о котором сохранилось лишь в народных обычаях, происхождение по материнской линии еще имело большое значение: мальчик, родившийся от матери не-гражданки, вряд ли мог в те времена, претендовать на гражданские права. Так, в Афинах разрешалось жениться на сестре от того же отца (*βιοπάτριος*), но женитьба на сестре от той же матери считалась вопиющим кровосмешением⁴¹. В «Облаках» Аристофана, отражающих взгляды широких крестьянских масс, Фидиппид бьет своего отца Стрепсиада и тем не менее после долгого диспута убеждает того в конце концов, что он (сын) поступает правильно и справедливо: *κλέειν γὰρ ἡμᾶς εἰκόσ' ἐστ' ἢ μὴ δίκαια ὄρωμεν* (ст. 1439). Однако отец приходит в крайнее негодование и не желает больше слушать никаких софизмов сына, когда тот заявляет, что он собирается бить и мать — отец считает это гораздо более тяжелым (*μεῖζον*) преступлением, чем избивание отца; он считает это смертным грехом (ст. 1443—1449):

«Ф. Я мать свою отколочу, как и тебя.
Стр. Что слышу я?
Вот глупость, прежних всех страшней...
Ф. Что же если словом кривды (*ἴττονι λόγῳ*) я
Тебя сумею убедить,
Что матерей законно бить?
Стр. Тогда осталось мне одно:
Тебя столкнуть в Барафр».

Я убежден, что Тейфель и примыкающий к нему Blaydes (в прим. к этому месту Аристофана) стоят на правильной точке зрения, считая, что под *ἴττονι λόγῳ* в этом месте имеется в виду та самая аргументация, которая, как мы видели выше, приводилась у Эсхила, а вслед за ним и у Еврипида: мать — это только хранительница полученного от отца зародыша.

Таким образом, слова Эриний (ст. 642) в «Евменидах» отражают как раз воззрение широких афинских масс:

«Так говоришь. И думаешь: оправдан он,
Пролитый паземь кровь родную матери.
И станет жить в дому отцовском в Аргосе.
К чьим алтарям он подойдет с молитвою?».

Ф. Ф. Зеллинский⁴² справедливо замечает, что и «Облака» и «Евмениды» свидетельствуют о предпочтении, которым пользовалась мать в народном представлении перед отцом.

Этот старый взгляд, по которому происхождение матери имело решающее значение при определении гражданских прав (в Аттике, вероятно, уже в VII в.), должен был уступить место противоположным представлениям, по которым обладание политическими правами зависит только от происхождения отца и от согласия фраторов принять новорожденного в родовой союз. Такое положение вещей мы находим уже у Гомера, но особенно характерным оно было для аристократического лакедемонского государства. И для других аристократических государств было характерно отсутствие всякого интереса к происхождению матери⁴³. Точно так же в Афинах до

⁴¹ Demosth., LVII, 20, p. 1304; Plut., Themist., 32; Nepos, Cimon, 1, Schol. in Aristoph. Nubes, 1371.

⁴² «Neue Jahrb. für das klass. Alt.», № 2, 1899, стр. 97, прим. 2.

⁴³ См. например, K. Latte. s. v. γένος, RE, 17, стб., 1066 сл.; Herod., V, 67, 4; VI, 39, и др.

451 г., как правильно указывает Карштедт, «единственной предпосылкой для обладания гражданскими правами было требование, чтобы отец был афинянином; происхождение матери было совершенно безразлично, совершенно так же, как в Спарте... Как раз знатные семьи охотно берут жен из-за границы, желая приобрести себе таким образом влиятельные связи: Писистрат, Клисфен, Мильтиад, Кимон, Фемистокл, историк Фукидид»⁴⁴. Итак, гражданское полноправие детей, рожденных от матерей не-гражданинок, было характерным как раз для аристократических государств. Такое положение существовало и в Афинах до 451 г., несмотря на то, что оно противоречило представлениям народных масс. Аристократы были весьма заинтересованы в сохранении такого порядка не только потому, что многие из них сами происходили от таких браков, но прежде всего потому, что они имели женами иностранок и могли иметь от них детей и в будущем; равным образом многие из них рассчитывали женить своих сыновей на знатных иностранках. В таком положении был, например, и сам вождь аристократов Кимон. Пропаганда в пользу закона, несомненно, велась уже задолго до 451 г.; поэтому вполне естественно, что Эсхил выступил против такой исключительности и жестокости, тем более, что этот закон особенно больно ударял по аристократическим фамилиям. Эсхил был весьма умеренным демократом и относился с большим благоволением к старым знатным родам. При этом он хорошо знал, что принятие в расчет происхождения с материнской стороны соответствует древнейшим афинским обычаям; поэтому он и изображает порядок, существовавший до 451 г., как «прогрессивную» реформу носителей нового порядка — Афины и Аполлона.

⁴⁴ U. Kahrstedt, Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen, Stuttg., 1934, стр. 60. И после закона 451/450 г. остались пережитки старого положения вещей. Так, еще в IV в. старинный закон гласил, что βασιλεύς должен «иметь женой афинянку» (Demosth., LIX, 75: ἐπειδὴ δὲ Θεσεύς συνῴκησεν αὐτούς... τὴν... γυναῖκα [sc. τοῦ βασιλέως] νόμον ἔθεντο ἀστὴν εἶναι). Это правило бессмысленно для времени после 451/450 г., так как в это время уже все афиняне имели женами афинянок. Таким образом, здесь перед нами остаток более древнего правового порядка. Такой же порядок существовал и позже в Спарте: только царь был обязан жениться непременно на гражданке, граждане же имели право жениться и на иностранках.

Львов. Декабрь 1956 г.

